

судей, большинство национальной гвардии и весь ее генеральный штаб были также на стороне двора. Из них составлялась вся куча горлодеров, которые сопровождали двор во время ставших ныне частыми прогулок короля по Парижу и присутствия его при всех театральных представлениях, писал в своих записках Шометт.

«Военно-лакейская челядь, окружавшая двор и состоявшая в значительной мере из бывших телохранителей, из вернувшихся эмигрантов и из тех героев 28 февраля 1791 г., которые известны были под именем *рыцарей кинжала*, вооружала против себя народ своим высокомерным обращением, оскорбляла национальное представительство и открыто говорила о своих пагубных для свободы замыслах». Все монахи, монахини и огромное большинство священников были на стороне контрреволюции¹.

Что касается до Собраний, то вот как характеризовал его Шометт: «Бессильное, оно не пользуется уважением; его разъедают внутренние раздоры, и оно унижает себя перед Европой своими мелочными и озлобленными прениями. Двор нагло оскорбляет его, а оно отвечает на презрительное отношение двора еще большим унижением; власти оно никакой не имеет, не имеет и определенной воли». И действительно, Собрание, по целым часам обсуждавшее, из скольких человек должна состоять депутация, посылаемая им к королю, будут ли для нее открыты обе створки дверей или только одна, и проводившее время, как говорит Шометт «в выслушивании декламаторских докладов, всегда кончавшихся... обращениями к королю», - такое Собрание должно было непременно вызывать презрение даже у самого двора.

Между тем на западе и на юго-востоке Франции, под самыми стенами таких революционных городов, как Марсель, работали тайные роялистские комитеты. Они собирали в замках оружие, вербовали офицеров и солдат и готовились в конце июля двинуть на Париж сильную армию под предводительством эмигрантов, присланных из Кобленца.

Эти движения на юге настолько характерны, что на них следует остановиться и дать о них некоторое понятие.

XXXI КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НА ЮГЕ

При изучении Великой революции внимание обыкновенно бывает так поглощено борьбой, происходящей в Париже, что положение в провинции и сила, которой все время пользовалась там контрреволюция, невольно упускаются из виду. А между тем эта сила была громадная. В прошедшем она имела за собой целые века бесправия, а в настоящем она опиралась на денежные выгоды целого класса собственников. Изучая проявления этой силы, мы видим также, как ничтожна во время революции сила собрания представителей, даже в том невероятном случае, если бы большинство его оказалось воодушевлено самыми лучшими намерениями. Когда в каждом городе, в каждой деревне приходится бороться со старым порядком, который после минутной растерянности вновь собирается с силами и готовится остановить революцию, то победить такое сопротивление может только революционный натиск, сделанный на местах, именно в этих городах и деревушках.

Чтобы рассказать все интриги и деяния роялистов во время революции, потребовались бы целые годы работы в местных архивах. Но уже некоторые факты, которые я приведу, дадут о них понятие.

О восстании в Вандее писали все историки. Но обыкновенно думают, что единственный серьезный очаг контрреволюции был только там, среди полудикого населения, возбужденного религиозным фанатизмом. А между тем другой подобный же очаг существовал и на юге, и этот очаг был тем более опасен, что в этой части Франции деревни, на которые опирались роялисты, эксплуатировавшие религиозную вражду между католиками и протестантами, находились рядом с другими деревнями и большими городами, давшими революции ее лучших деятелей.

Руководство всеми этими противореволюционными движениями шло из Кобленца - маленького немецкого городка, находившегося в Тревском курфюршестве и сделавшегося центром роялистской эмиграции. Начиная с лета 1791 г., когда граф д'Артуа вместе с министром Калонном и впоследствии

¹ Вот случаи, о котором говорил тогда весь Париж и о котором рассказывает г-жа Жюльен: «Настоятельница Сердобольных вдов в Рюэйле потеряла свой бумажник; его нашли и осмотрели в местном муниципалитете. Оказалось, что 1 января эти монахини послали эмигрантам 48 тыс. ливров» (Journal d'une bourgeoise pendant la Revolution. Publ. par Ed. Lockroy. Paris, 1881, p. 203.).